

Общественный договор: историко-социологический анализ

УДК 001.32(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23

Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период

Ирина В. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vorobyova.irina@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам сосуществования власти и научной интеллигенции в период политических, экономических и социальных преобразований конца 1920-х – начала 1940-х гг. Рассматриваются два временных периода – с 1924 по 1932 г. и с 1933 по 1941 г. Для каждого из них описывается, во-первых, политика государства в отношении ученых, последствия проводимой политики для всей страны и данной социальной группы. Во-вторых, какие стремления, интересы, ориентации были характерны для ученых, в чем они состояли, как они коррелировали с государственными интересами, а также интересами всего народа.

Ключевые слова: общественный договор, ученые, научная интеллигенция, академическое сообщество, ученые, советская власть

Для цитирования: Воробьева И.В. Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23

Scientists as a subject of the “social contract” in the pre-war period

Irina V. Vorobyova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vorobyova.irina@list.ru*

Abstract. The article deals with the issues of coexistence between the authorities and scientific intellectuals during the period of political, economic and social transformations of the late 1920s – early 1940s. Two time periods are considered –

© Воробьева И.В., 2024

from 1924 to 1932 years and from 1933 to 1941 years. For each of them it describes, firstly, the state's policy towards scientists, the consequences of the policy for the whole country and certain social group. Secondly, what aspirations, interests, orientations were characteristic of scientists, what they consisted of, how they correlated with state interests, as well as the interests of the whole people

Keywords: social contract, scientists, scientific intellectuals, academic community, scientists, Soviet authority

For citation: Vorobyova, I.V. (2024), "Scientists as a subject of the 'social contract' in the pre-war period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23

Введение

Представленный нами период сопровождался коренными политическими, экономическими и социальными трансформациями, которые, по мнению экспертов, можно характеризовать как кризисные [Колчинский 2009, с. 29–30]. Эти кризисы фактически предполагали слом прежних отношений между обществом и властью, учеными и властью. Выходы из кризиса ставили необходимость пересмотра старых сложившихся отношений и построение новых принципов взаимодействия, которые можно трактовать как принятие некой формы общественного договора. Представителям власти каждый раз приходилось переосмысливать меру ответственности государства за развитие науки, степень свободы ученых, степень возможности ученых участвовать в управлении страной, воздействовать на проводимую в государстве политику. В свою очередь, самим ученым приходилось искать ответ на вопросы о своем месте и роли в стране, необходимости консолидации своих научных интересов с интересами государства и пр.

Несмотря на то что становление советской системы образования и науки происходило в период, который сопровождался революцией, двумя мировыми войнами, советскому правительству удалось сохранить, а где-то даже преобразовать и улучшить показатели в этой сфере. Разумеется, все это было достигнуто благодаря жесткой централизации и мобилизации всех сфер, включая науку, которая оставалась для власти базовым ресурсом преобразований всей инфраструктуры страны, и, в первую очередь, экономики. Поэтому во все времена работники системы образования и науки оставались для власти не только группой, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов, но и важнейшим субъектом общественного договора между населением и властью.

*«Культурная революция» в СССР
в 1924–1932 гг.*

После Октябрьской революции советская власть установила принципиально новые основания отношения и взаимодействия со всеми социальными группами общества. Кроме того, были выдвинуты новые планы и перспективы развития страны и жизни в ней, а иными словами – представлены новые основания общественного договора. Во-первых, коммунистической партией была поставлена цель построения новой России, которая в экономическом, политическом, социальном и культурном плане опережала бы капиталистические страны. Во-вторых, необходимо было обеспечить оборону Советского Союза и его экономическую и технологическую самостоятельность, тем самым доказав преимущество «социалистической» модели жизни над «капиталистической». Сделать это можно было только путем совершенствования экономики, науки и техники, поэтому советская власть вплотную занялась созданием новой системы государственной организации научной сферы.

Точные данные о численности научных организаций и научных работников этого периода оценить проблематично. В процессе преобразования одни организации распадались, другие появлялись.

В 1929 г. в СССР имелись 1263 научных учреждения, в том числе 438 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, 120 научных станций, 705 прочих научных учреждений [Колчинский 2003, с. 753].

Тем самым большевики демонстрировали серьезность намерений по созданию организационной и технической базы научной сферы, которая должна была стать основой развития для модернизации экономики. Основанием создания или реорганизации научного учреждения в то время становилась его полезность нуждам народного хозяйства.

Параллельно с этим идет процесс сокращения независимости научных учреждений и их попадания под тотальный государственный контроль. С 1927 г. Академию наук существенно ограничивают в правах. Состав АН хоть и продолжает формально избираться общим собранием, но после этого избранный состав должен был быть утвержден Советом Народных Комиссаров. Помимо этого, принятый устав АН включал новые положения: «приспособление науки к практике, контроль политической лояльности» [Макаренко 2007, с. 90]. Таким образом, получалось, что главные вопросы деятельности АН решались не академиками, а в ЦК партии.

В тот же период, помимо организации структуры научных учреждений, большевики активно включаются в процесс создания собственной научной интеллигенции. Эта работа велась сразу по нескольким направлениям. Период с конца 1920-х до начала 1930-х гг. получил название «Культурная революция». Несмотря на то что первоначальное использование термина предполагалось в отношении борьбы с безграмотностью населения и просветительской работы, впоследствии термин использовался в широкой трактовке как замена буржуазной культуры и традиции на новую советскую. Это касалось не только искоренения буржуазной культуры, но и замены носителей этой буржуазной культуры. Большевиками был сформирован инструментально-идеологический образ науки, и они заявляли о необходимости создания новой пролетарской науки, оторванной от буржуазного прошлого.

На быстрой и категорической замене буржуазных научных специалистов настаивал сам товарищ И. Сталин, который утверждал:

Если мы будем ждать, пока старые отомрут, и только тогда будем обновлять, мы пропадем, уверяю вас. Клетки «организма науки» начали обновлять очень активно, не дожидаясь отмирания «старых»¹.

То есть политика искоренения старой научной интеллигенции находила поддержку и инициативу на самом верху власти.

Используя «старую» научную интеллигенцию, большевики активно включились в процесс подготовки новых советских кадров, в связи с чем был установлен «классовый принцип» приема в вузы с целью резко ограничить долю детей интеллигенции среди студентов [Фурсова, Ханнанова 2015, с. 155]. Развивается институт «красной профессуры». Усиливается контроль за классовой и идеологической позицией академической интеллигенции. В университетах главенствующую роль начинают играть партийные ячейки, при участии которых проводятся проверки, аттестации и чистки профессорско-преподавательского состава, а важнейшее значение при избрании на должность приобретают политическая приверженность и лояльность, а не научный авторитет.

Параллельно осуществляются репрессии с несогласными с принципами жизни в новых советских условиях, да и просто для

¹ *Сталин И.В.* Неправленая стенограмма выступления на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года // *Сталин И.В.* Соч. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 201.

острастки возможных проявлений недовольства. В ходе организованных политических процессов («Академическое дело», «Шахтинское дело», «дело “Промпартии”», «дело краеведов» и пр.) пострадала значительная часть научной интеллигенции, а интеллектуальному потенциалу страны был нанесен серьезный ущерб. В результате таких политических процессов часть ученых была расстреляна, другая часть отбывала наказание в тюрьмах и ссылках. Те, кому «повезло», и власть сочла их научную работу важной для государства, продолжили научные разработки в «шарашках» — особых технических бюро ОГПУ НКВД-МВД СССР.

Отношения науки и власти этого периода складываются довольно противоречиво. Советская власть, понимая необходимость привлечения образованных специалистов, создавала для них определенные условия, улучшающие быт и материальное положение. Например, еще в 1921 г. были приняты декреты РСФСР «Об улучшении быта ученых», «О мерах к поднятию уровня инженерно-технического знания в стране и к улучшению условий жизни инженерно-технических работников РСФСР». В 1921–1931 гг. действовала Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК. С другой стороны, та же власть, стремясь насильственно подчинить ученых государственным задачам построения социализма, применяла методы утрашения и наказаний.

Таким образом, «реконфигурация науки и давление на нее сочетались с ее созиданием в качестве советской науки» [Козлова 2016, с. 108]. А сами ученые, несмотря на давление и потери, смогли внести существенный вклад в социалистическую индустриализацию страны, создание мощного оборонного потенциала.

1933–1941 гг.

Ученые и власть в предвоенный период

Говоря о сосуществовании науки и власти этого периода, эксперты отмечают три тенденции: приоритет научных государственных интересов, репрессивный характер, изоляция советской науки от мировой.

Становление науки в Советском государстве носило противоречивый характер. Советское руководство создавало новые научные и учебные учреждения, поддерживался высокий статус ключевых научных фигур, развивался кадровый потенциал научной сферы. Несмотря на то что страна еще не вполне оправилась от последствий гражданской войны, развитие науки в СССР того периода во многом опережало страны запада.

За период с 1934 по 1941 г. в СССР увеличилась численность обучающихся в аспирантуре с 268 до 926 чел., количество докторантов к 1936 г. составило 236 чел. [Колчинский 2003, с. 753]. К 1941 г.

...существовало 1821 научное учреждение, в том числе 786 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, 507 научных станций, 528 прочих научных учреждений [Колчинский 2003, с. 753].

В предвоенные годы особенно был заметен рост отраслевых институтов, входящих в систему военно-промышленного комплекса, существенно расширялась сеть заводских лабораторий, которые как нельзя лучше соединяли науку с производством.

Высокая оценка развития науки в СССР не была только лишь пустой пропагандой. В конце 1930-х гг. советская наука добилась выдающихся успехов в развитии математики, механики, физики, наук о Земле и многих других научных направлениях. Имена ученых этого периода составляют «золотой фонд» мировой науки.

В биологии это были лидеры генетики, физиологии, экспериментальной биологии, эволюционной теории – Н.К. Кольцов, И.П. Павлов, Л.А. Орбели, Н.И. Вавилов, Ю.А. Филипченко, И.И. Шмальгаузен, в физике – С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе, Д.С. Рождественский, в математике – П.С. Александров, А.О. Гельфонд, Л.А. Люстерник, Л.С. Понтрягин, О.Ю. Шмидт [Кривоносов 1999].

За работы, выполненные советскими физиками в 1930-е гг., им позднее были присуждены четыре Нобелевских премии.

При этом развитие советской науки сопровождалось беспрецедентными репрессиями научной интеллигенции. Очень многие представители академического сообщества были расстреляны, брошены в тюрьмы, работали в «шарашках». Особенно страдали гуманитарные науки, которые не так были нужны в производстве и которым, в первую очередь, можно было предъявить идеологическое несоответствие. Например, первое место в системе Академии наук по числу выявленных вредителей занял Институт истории АН СССР, где уже к марту 1937 г. было арестовано более двух третей сотрудников [Колчинский 2003, с. 734]. Однако репрессии распространялись не только на гуманитариев, например, исчислялось сотнями количество арестованных в сфере авиастроения и ракетостроения. И это были известные люди, чьи научные труды составили самые перспективные разработки тех лет: конструкторы самолетов и двигателей (Р.Л. Бартини, К.А. Калинин, В.М. Мясищев,

В.М. Петляков, Д.А. Томашевич, А.Н. Туполев, В.А. Чижевский), основоположники отечественного ракетостроения (С.П. Королев, В.П. Глушко, Г.Э. Лангемак, И.Т. Клейменов). В этот период труд репрессированных ученых начинают использовать в специально созданных для них тюремных лабораториях и бюро. В частности, А.Н. Туполев руководил в Москве тюремным авиаконструкторским бюро (ЦКБ-28 НКВД, «туполевская шарага»).

Беспрецедентные репрессии сочетались с увеличением финансирования науки. Прежние, поставленные Вождем и правительством задачи превращения России из аграрной в передовую индустриально развитую страну, требовали колоссальных затрат на науку, научные разработки и внедрения.

Усиление напряжения на международной арене и нарастание военной угрозы заставило советское правительство усилить работу по обороне страны. Параллельно с этим не только в массовом сознании, но и среди политической и интеллектуальной элиты распространяется представление о внешних врагах, отрицательно и враждебно относящихся к молодому Советскому государству. Весь «капиталистический мир» воспринимался как единый враг в своей ненависти к стране победившего социализма. Научная и, в первую очередь, связанная с обороной страны сферы стали потреблять существенную часть доходов и ресурсов страны.

Среди руководства страны произошло понимание того, что без «бывших» специалистов решить многие экономические и оборонные проблемы невозможно. Сам И.В. Сталин обозначил новую повестку в программной речи «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» об отказе от политики разгрома научно-технической интеллигенции и переходе к «политике привлечения и заботы о ней». После этого выступления из тюрем, ссылок и лагерей было возвращено большое число специалистов,

...многие из которых не только вернулись к активной научной и педагогической деятельности, но сделали головокружительную карьеру, став действительными членами АН СССР и лауреатами Сталинской премии [Колчинский 2003, с. 728].

Стоит отметить, что, признавая науку и ученых важнейшим субъектом общественного договора и двигателем развития экономики и обороны страны, при том, что многие ученые стали частью номенклатуры советской системы, они в большинстве своем оставались чуждой группой для государства рабочих и крестьян и политической элиты государства. В среде партийно-государственных работников число образованных людей было невелико.

С 1934 по 1941 г. в составе Политбюро ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с законченным высшим образованием. Среди секретарей обкомов и горкомов доля имеющих высшее образование составляла до 16% [Хлевнюк 1992, с. 78].

В этот период в общественном сознании как широких масс, так и значительной части научного сообщества формируется идея противостояния СССР и всего капиталистического мира буквально как противостояние сил добра и зла. Для победы в этой борьбе многие ученые находили оправданным жесткие меры как интенсификации труда, так и карательные меры к инакомыслию. Все экономические, бытовые сложности и политические запреты и даже террор подчинялись единой цели – построению сильной страны и признавались оправданными.

Несмотря на репрессии, советскому правительству удалось сформировать высокий уровень лояльности, одобрения и поддержки, в том числе среди академического сообщества. Для старой научной интеллигенции власть большевиков стала альтернативой хаосу, войне и разрухе, а советскому правительству удалось стабилизировать обстановку. Кроме того, сами социалистические идеи равенства, братства, сильной великой страны для данной группы оказались не безынтересны и нашли отклик.

Для молодых ученых идея построения «нового общества» и «светлого будущего» оказалась еще более привлекательной. Тем более что для новых научных кадров социализм открывал перспективы построения карьеры, которой могло бы и не быть в старых обстоятельствах. Искренняя вера в социализм и преданность научному сообществу и научным идеям, желание помогать стране, ощущение, что под репрессии они попали случайно, и потом власть со всем разберется, обеспечивали лояльность даже тех, кто сам или их семьи были подвергнуты репрессиям. Многие ученые даже в тюрьмах и лагерях работали с энтузиазмом и не покладая рук.

Можно говорить о том, что накануне Великой Отечественной войны советская система организации науки полностью сложилась. Сложилась не только организационная структура со строгой иерархией и жестким контролем со стороны партийных кадров как приоритетов, так и тематики научных исследований, внутренних коммуникаций и кадровой политики. Наука стала органической частью государственной номенклатурной системы, функционирующей под жестким контролем (от момента вхождения в систему до занятия постов и должностей, присуждения знаний) со стороны партийных органов. Значительная часть научного сообщества

предвоенного периода разделяла и поддерживала базовые цели и ценности Советского государства.

Заключение

Можно констатировать, что, несмотря на первоначальные противоречия между старой научной интеллигенцией и новой Советской властью, утратами и потерями в среде ученых в 1920-е и 1930-е гг., компромисс между учеными и властью так или иначе состоялся. Наука и научное сообщество полностью приняли политические и экономические цели и задачи советского руководства, а «верхушка» научного сообщества вошла в номенклатуру государства. При этом, выполняя многие идеологические и политические задачи, наука не перестала развиваться.

При репрессивной и административно-командной политике большевики тратили огромные средства на развитие науки и образования. За двадцать довоенных лет (1921–1940 гг.) обучено примерно 60 млн неграмотных. Перепись населения 1959 г. показала, что уже тогда неграмотность у нас практически была ликвидирована². Большевики активно продолжали готовить новую советскую интеллигенцию.

В 1939 г. на 10 000 занятого населения имелось уже 1 007 представителей интеллигенции, из них 10 – научные работники. В 1940 г. один научный работник приходился на 9 специалистов с высшим образованием [Колчинский 2003, с. 729].

Контроль государства за наукой предполагал рост и поддержку этой сферы, который выражался, в том числе, в повышении ее развития, финансирования, престижа. Так, в период «с 1930 по 1965 г. численность рабочих и служащих возросла в 8 раз, а занятых в науке – в 36 раз» [Колчинский 2003, с. 729]. Советское правительство, несмотря на трудности, серьезным образом укрепляло материальную базу науки. По данным экспертов,

...расходы на НИУ в 1933–1937 гг. по союзному бюджету и бюджетам союзных республик (республиканским и местным) составляли 3014 млн руб. по курсу рубля того времени (без расходов на капвложения и без средств на НИР по хоздоговорам). На содержание научных

² Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сборник. М., 1971. С. 243.

учреждений и мероприятия по государственному бюджету в 1941 г. ассигновалось 1032 млн руб., кроме того, 619 млн руб. поступало из средств промышленности и внебюджетных источников. Вместе с расходами на содержание вузов эта цифра составляла 3,95 млрд руб. [Гракина 2000, с. 29].

Важным социальным фактором во время войны стало ослабление партийных чиновников и повышение авторитета профессионалов. Кроме того, к власти пришло осознание того, что без ученых, науки и научных достижений невозможен прогресс в сферах промышленности, обороны и пр. А значит, научные достижения и ученые напрямую влияют на поставленную государственную задачу – превращение СССР в сильнейшую мировую державу.

Угроза Второй мировой войны придала науке колоссальное не только экономическое, но и политическое значение, а отношение ученых к советской власти во многом определило исход войны. Государственные деятели осознали, что ученые и наука самым прямым образом влияют на возможность превращения СССР в великую державу, в том числе на ее престиж на международной арене. Это привело не только к повышению статуса ученых в обществе, но и позволило, как минимум, наиболее крупным и известным оказывать политическое, гражданское влияние на власть, тем самым став важнейшим субъектом общественного договора.

Следует признать, что идея общественного договора, которая состояла в построении светлого будущего и превращении СССР в сверхдержаву оказалась достаточно привлекательной как для ученых, так и для других групп. Таким образом, идея большевиков о создании и формировании собственной, приверженной и лояльной научной интеллигенции фактически была реализована.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant “The Fates of the Social Contract in Russia. The evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093.

Литература

- Гракина 2000 – *Гракина Э.И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 386 с.
- Козлова 2016 – *Козлова Л.А.* Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
- Колчинский 2003 – *Колчинский Э.И.* Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 728–782.
- Колчинский 2009 – *Колчинский Э.И.* Наука и кризисы в XX веке: Некоторые результаты сравнительного анализа // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 2. С. 29–40.
- Кривоносов 1999 – *Кривоносов Ю.И.* Почему в ЦК КПСС не любили советских лауреатов Нобелевской премии (Н.Н. Семенов, И.Е. Тамм, П.Л. Капица, Л.Д. Ландау в «объятиях» власти) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 116–143.
- Макаренко 2007 – *Макаренко В.П.* Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 86–110.
- Фурсова, Ханнанова 2015 – *Фурсова В.В., Ханнанова Д.Х.* Социальная политика и российское образование в 20–30 гг. XX в. // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. С. 153–172.
- Хлевнюк 1992 – *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.

References

- Fursova, V.V. and Khannanova, D.Kh. (2015), “Social policy and Russian education in the 20–30s of the 20th century”, Gorshkov, M.K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is being reformed, Yearbook], iss. 13, pp. 153–172.
- Grakina, E.I. (2000), *Uchenye Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945* [Russian scientists during the Great Patriotic War, 1941–1945], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow Russia.
- Khlevnyuk, O.V. (1992), *1937: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937. Stalin, the NKVD and Soviet society], Respublika, Moscow, Russia.
- Kolchinskii, E.I. (2003), “Science and consolidation of the Soviet system in the pre-war years”, *Nauka i krizisy* [Science and Crises. Historical-comparative issues], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, pp. 728–782.
- Kolchinskii, E.I. (2009), “Science and crises in the twentieth century. Some results of comparative analysis”, *The political conceptology: Journal of metadisciplinary research*, no. 2, pp. 29–40.

- Kozlova, L.A. (2016), "Post-Revolutionary period Russian sociology. The failed Sovietization attempt", *Sociological Studies*, no. 12, pp. 105–113.
- Krivososov, Yu.I. (1999), "Why did the Central Committee of the CPSU dislike Soviet Nobel Prize laureates (N.N. Semenov, I.E. Tamm, P.L. Kapitsa, L.D. Landau in the 'embrace' of power)", *Studies in the History of Science and Technolgnogy*, no. 3, pp. 116–143.
- Makarenko, V.P. (2007), "The etatization of Science. The Soviet experience", *Vestnik of Rostov State University*, vol. 5, no. 4, pp. 86–110.

Информация об авторе

Ирина В. Воробьева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vorobyova.irina@list.ru

Information about the author

Irina V. Vorobyova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vorobyova.irina@list.ru